ИЗЪ МЕМУАРОВЪ ГРАФА РЖЕВУСКАГО.

МОЙ ПОКОЙНЫЙ ОТЕЦЪ, генералъ-адъютантъ Адамъ Адамовичъ Ржевускій занималъ видное положеніе въ петербургскомъ обществѣ въ срединѣ прошлаго вѣка. Находясь въ теченіе долгихъ лѣтъ при особѣ императора Николая I, онъ имѣлъ честь пользоваться довѣріемъ государя и выполнялъ успѣшно разныя порученныя ему военныя и дипломатическія миссіи. Мой отецъ умеръ въ 1888 г. въ очень преклонномъ возрастѣ. Онъ жилъ при четырехъ государяхъ и въ эти четыре царствованія принималъ участіе въ очень серьезныхъ дѣлахъ: его воспоминанія составили бы очень серьезный и любопытный историческій документъ не только съ точки зрѣнія политической, но и свѣтской. По своему происхожденію и по своимъ родственнымъ связямъ онъ принадлежалъ къ верхамъ русскаго общества. Его падчерица вышла замужъ за графа, впослѣдствіи князя. Орлова; онъ былъ два раза женатъ, и обѣ жены играли видную роль въ обществѣ.

По просьбѣ нѣкоторыхъ членовъ семьи онъ началъ писать свои мемуары, которые онъ, къ несчастью, не могъ окончить вслѣдствіе постигшей его болѣзни глазъ. А за нѣсколько лѣтъ передъ смертью онъ сжегъ большую часть своихъ мемуаровъ, опасаясь возможныхъ въ нихъ «нескромныхъ разоблаченій», опасаясь напрасно, такъ какъ ничто въ этихъ мемуарахъ не могло задѣть ничьей даже самой чувствительной щепетильности.

Я находилась при немъ въ моментъ этого аутодафе, и мнѣ удалось спасти нѣсколько страницъ изъ написаннаго отцомъ. Гибель

остальнаго несомнѣнная потеря вообще и для любителей подобной литературы въ частности.

Изъ этихъ страницъ, которыя, надѣюсь, когда-нибудь увидятъ свѣтъ, я выбрала разсказъ объ одномъ эпизодѣ изъ польскаго возстанія 1831 г., наименѣе извѣстномъ и потому наиболѣе интересномъ для читателей.

Для ясности разсказа я должна напомнить нѣсколько слѣдующихъ фактовъ.

Мой отецъ поступилъ на русскую службу портупей-юнкеромъ въ первый украинскій полкъ въ 1821 г. Вскорѣ онъ попалъ въ адъютанты къ генералу Витте въ Одессу и, дослужившись въ этомъ званіи до штабсъ-ротмистра, принялъ участіе въ польской кампаніи 1830—31 г.г. Его польское происхожденіе дѣлало его предметомъ особенной ненависти повстанцевъ. Но когда корпусъ генерала Ридигера былъ окруженъ отрядами Дверницкаго и отрѣзанъ отъ главной квартиры дѣйствующей арміи и нѣсколько офицеровъ, посланныхъ къ генералу Ридигеру съ приказами главнокомандующаго, были захвачены повстанцами, не выполнивъ своей миссіи, фельдмаршалъ Дибичъ поручилъ моему отцу пробраться во что бы то ни стало сквозь польскія линіи и передать Ридигеру необходимыя распоряженія.

Несмотря на опасности и трудности предпріятія, отцу посчастливилось его выполнить. Этотъ эпизодъ одинъ изъ самыхъ любопытныхъ въ его долголѣтней карьерѣ. И, я увѣрена, подробности его, разсказанныя имъ самимъ, заинтересуютъ читателей.

Екатерина Кольбъ, урожденная графиня Ржевуская.

Послѣ Граховскаго сраженія я остался при генералѣ Витте, и тогда произошелъ самый интересный эпизодъ возстанія.

Русская армія, главное командованіе надъ которой перешло къ фельдмаршалу графу Дибичу-Забалканскому, находилась въ худшемъ положеніи, чѣмъ войска повстанцевъ. Во-первыхъ, она недавно лишь передъ тѣмъ вернулась изъ Турціи и не только была ослаблена утомительной кампаніей 1828 г., но страдала отъ разныхъ занесенныхъ ею съ Балканъ болѣзней—чумы, холеры и оспы. Были отданы самыя строгія приказанія и распоряженія о томъ, чтобы объ этомъ состояніи арміи ничто не проникло наружу, что не мѣшало, конечно, полякамъ быть прекрасно освѣдомленными обо всемъ, что дѣлалось у насъ въ арміи, равно какъ и о малѣйшихъ передвиженіяхъ послѣдней.

Весь край былъ объятъ смутой и, если не открыто, то втайнѣ былъ на сторонѣ и въ постоянныхъ сношеніяхъ съ революціонерами,

которымъ оказывалъ и всякую помощь. Зная нашу слабость, поляки становились все смѣлѣе и предпріимчивѣе. 5-го февраля 1831 года Дверницкій находился съ своимъ отрядомъ въ Горѣ, а 7-го онъ соединился съ отрядомъ Сѣравскаго въ Мнишевѣ. Такимъ образомъ, у повстанцевъ оказалось десять тысячъ хорошо вооруженнаго и свѣжаго войска.

Планъ Дверницкаго былъ очень простъ. Онъ хотѣлъ мелкими стычками, безъ серьезнаго боя, утомлять корпусъ генерала Ридигера и, заставляя его отступать, самому добраться до Каменецъ-Подольска, гдѣ повстанцы намѣревались провозгласить временное правительство изъ трехъ лицъ, между которыми намѣчался и мой кузенъ Вацлавъ Ржевускій—тотъ самый, который погибъ впослѣдствіи въ Дашовѣ. Это временное правительство должно было затѣмъ поднять всю Украйну, завлечь корпусъ Ридигера и его уничтожить.

Съ нашей стороны все обстояло неважно. Мы были разбросаны по всему краю. Благодаря враждебному настроенію жителей, наши отряды съ трудомъ сносились какъ между собою, такъ и съ главной квартирой. Каждый начальникъ отряда долженъ былъ дѣйствовать независимо отъ другихъ, на свой собственный страхъ и рискъ, что увеличивало только опасность и отвѣтственность каждаго. Свѣдѣнія получались ложныя. Каждое наше движеніе грозило намъ западней, и люди и офицеры были измучены отъ постоянныхъ тревогъ, среди которыхъ имъ приходилось быть. Такъ, напримѣръ, генералъ Крейцъ, не говоря уже о другихъ, прибывъ въ Новависъ съ шестью эскадронами драгунъ, шестью пушками и казаками, никакъ не могъ добиться какихъ бы то ни было свѣдѣній изъ главной квартиры арміи и не зналъ, что дальше дѣлать. Новависъ находится на берегу окруженной болотами рѣчки, протекающей черезъ густой лѣсъ, черезъ который пролегала дорога изъ Ричволы въ Казеницы. И пока нашъ отрядъ проходилъ по этой дорогѣ, его обстрѣливали невидимые враги мѣткими выстрѣлами, которые внесли полное разстройство въ ряды, не знавшіе, куда укрыться отъ этихъ выстрѣловъ.

19-го февраля соединенныя силы Дверницкаго и Сѣравскаго составляли семь батальоновъ, двадцать два эскадрона и, если память не измѣняетъ, шестнадцать пушекъ. Тѣмъ не менѣе нашъ казачій передовой отрядъ, несмотря на свою малочисленность, атаковалъ обоихъ польскихъ генераловъ. Командовавшій отрядомъ генералъ Бутовичъ вынужденъ былъ отступить—хотя въ большемъ или меньшемъ порядкѣ, но отступить. Это отступленіе очень разгнѣвало фельдмаршала Дибича, который приказалъ тогда генералу Витте преслѣдовать во что бы ни стало Дверницкаго. Приказъ главнокомандующаго былъ полученъ генераломъ Витте 6-го марта вечеромъ. Онъ немедленно призвалъ меня и поручилъ

передать приказъ разнымъ полковымъ и батальоннымъ командирамъ. У насъ было очень мало кавалеріи, что уменьшало шансы преслѣдованія, тѣмъ болѣе, что наши тринадцать батальоновъ гренадеръ были въ большинствѣ безъ обуви. Ихъ сапоги поизносились во время турецкаго похода, а интендантство не успѣло еще доставить людямъ новые.

Шелъ проливной дождь, ночь была темная, ни зги не видно было. Мы отправились въ путь въ два часа утра по размокшей, топкой дорогѣ, въ которой люди и животныя вязли и падали. Мы не останавливались даже для того, чтобы подбирать падавшихъ. На другой день ихъ находили повстанцы и убивали.

7-го марта мы прибыли въ Рыки, а 8-го достигли Чарнъ и Бобровниковъ, гдѣ генералъ приказалъ навести два плавучихъ моста черезъ Вѣпръ. 11-го марта мы наконецъ прибыли въ Цырцинъ, совсѣмъ выбившіеся изъ силъ, и если бы враги атаковали насъ въ тотъ день, то, внѣ всякаго сомнѣнія, корпусъ генерала Витте былъ бы уничтоженъ.

Надо было дать хоть однодневный отдыхъ солдатамъ, которые совершенно усталые бросались на земь, не будучи даже въ состояніи развести огонь и раскинуть палатки. Впрочемъ, весь обозъ остался позади, и Сѣравскій овладѣлъ большей его частью.

Этимъ форсированнымъ маршемъ генералъ Витте надѣялся достичь береговъ Буга ранѣе Дверницкаго, перерѣзать ему путь и помѣшать ему окружить Ридигера, занимавшаго оба берега. Но Дверницкій лучше насъ былъ освѣдомленъ и не далъ себѣ даже труда преслѣдовать насъ. Онъ, въ свою очередь, форсированнымъ маршемъ поспѣшилъ обогнать насъ другой дорогой и переправился черезъ Бугъ прежде, чѣмъ мы могли заподозрѣть даже его присутствіе. На сей разъ польскіе развѣдочные отряды не только не нападали на наши, но даже постарались избѣгать ихъ.

Дверницкій перешелъ Бугъ безъ всякаго труда, и 16-го марта генералъ Ридигеръ извѣстилъ объ этомъ фельдмаршала, прибавивъ, что въ виду своей численной слабости онъ вынужденъ отступить и укрѣпиться за Стыремъ.

Дверницкій же, полагаясь на обѣщанное общее возстаніе, дѣйствительно начавшееся было въ Подольской, Волынской и другихъ губерніяхъ, сосредоточилъ всѣ свои усилія на томъ, чтобы окружить и отрѣзать его отъ остальной арміи. Онъ въ этомъ болѣе или менѣе успѣлъ.

Ридигеръ, однако, собралъ въ Локачѣ двѣ бригады одиннадцатой дивизіи, двѣ резервныя батареи, одну гусарскую бригаду и одну драгунскую. Но всѣ эти войска, вернувшіяся изъ Турціи, были такъ ослаблены, что врядъ ли могли бы оказать сопротивленіе серьезной атакѣ. Кромѣ того, среди нихъ свирѣпствовали тифъ и холера. Самый видъ ихъ былъ жалокъ, такъ они нуждались во всемъ.

.13-го Ридигеръ достигъ Краснаго, и его отступленіе совершалось въ порядкѣ. 16-го апрѣля онъ былъ уже въ Ленчинѣ, гдѣ и долженъ былъ остановиться, такъ какъ очутился передъ значительными силами, которыя немыслимо было атаковать. Все, что онъ могъ сдѣлать, было только предупредить о своемъ положеніи генерала Витте и главнокомандующаго.

Было возможно попытаться сдѣлать это, но выполнить было гораздо труднѣе. Всѣ пути намъ были отрѣзаны повстанцами, занявшими всѣ дороги и лѣса. Каждая деревня была гнѣздомъ лазутчиковъ, наблюдавшихъ за всякимъ подозрительнымъ лицомъ, въ которомъ видѣли «русскаго эмиссара». Генералъ Ридигеръ послалъ нѣсколькихъ офицеровъ къ фельдмаршалу, который, съ своей стороны, сдѣлалъ нѣсколько попытокъ переслать ему свои приказы. Но всѣ эстафеты, посланныя съ одной и съ другой стороны, были схвачены сторонниками повстанцевъ и представлены Дверницкому, который ихъ задерживалъ въ качествѣ заложниковъ и впослѣдствіи вѣшалъ. Доведенный до крайности, Ридигеръ довѣрился еврею Мэвшѣ Фельштейну, который взялся провести черезъ польскую линію адъютанта, капитана Крузенштерна. Генералъ вручилъ послѣднему подробный рапортъ, въ которомъ излагалъ фельдмаршалу всѣ трудности положенія. Крузенштернъ пробрался черезъ польскія линіи и, уже переправившись черезъ Стыръ, былъ схваченъ арьергардомъ Дверницкаго. Видя, что онъ окруженъ, Крузенштернъ быстро разорвалъ рапортъ и бросилъ клочки бумаги въ кусты. Но одинъ полякъ замѣтилъ это, подобралъ ихъ, сложилъ все и возстановилъ рапортъ, въ которомъ Ридигеръ описалъ свое положеніе въ довольно черныхъ краскахъ. Содержаніе этихъ депешъ сослужило, однако, плохую службу Дверницкому.

Пока обыскивали капитана Крузенштерна, его возница-еврей, служившій ему проводникомъ, незамѣтно бѣжалъ и три дня спустя добрался до нашей главной квартиры, гдѣ и разсказалъ о взятіи въ плѣнъ посланнаго Ридигеромъ адъютанта. Фельдмаршалъ пришелъ въ бѣшенство, такъ какъ было до крайней спѣшности необходимо, чтобы и отрядъ Ридигера, съ одной стороны, и отрядъ генерала Раевскаго, судьба котораго была совершенно неизвѣстна, съ другой, выполнили нѣкоторыя движенія въ виду свѣдѣній, полученныхъ Дибичемъ о Дверницкомъ. По этимъ свѣдѣніямъ, Дверницкій рѣшилъ не итти въ глубь края, а обогнуть австрійскую границу съ цѣлью, на всякій случай, обезпечить себѣ отступленіе, но все-таки оставилъ свой авангардъ разбросаннымъ въ краѣ, чтобы русскіе думали, что послѣдній занятъ поляками весь цѣликомъ. Цѣль этой стратагемы была сохранить войско свѣжимъ и готовымъ въ рѣшительную минуту возстанія, ожидавшагося со стороны всей Украйны. Этотъ планъ Дверницкаго оставлялъ одинъ открытый проходъ, который и надо было указать Ридигеру, такъ какъ онъ давалъ ему

возможность вырваться изъ того кольца, въ которомъ онъ считалъ себя запертымъ. Надо было его указать и Раевскому и приказать ему соединиться съ Ридигеромъ.

18-го апрѣля я былъ посланъ генераломъ Витте съ депешами къ фельдмаршалу. Прибывъ въ главную квартиру, я представился дежурному адъютанту, который мнѣ заявилъ, что я буду немедленно принятъ главнокомандующимъ.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ передъ тѣмъ графа Дибича еще въ Турціи въ самомъ концѣ кампаніи. Увидѣвъ его теперь, я былъ нораженъ происшедшей въ немъ перемѣной.

Онъ меня принялъ очень любезно и задалъ мнѣ массу вопросовъ о дѣйствіяхъ и движеніяхъ генерала Витте, мнѣніе и взгляды котораго на оборотъ, принятый событіями, его очень интересовали. Я старался отвѣчать на вопросы возможно лучше и полнѣе. Но я видѣлъ, что фельдмаршалъ былъ очень утомленъ и озабоченъ. Это уже не былъ прежній блестящій и смѣлый военачальникъ. Онъ, казалось, былъ подавленъ отвѣтственностью за создавшееся положеніе и, главное, очень озабоченъ судьбою Ридигера.

Когда я кончилъ свой словесный докладъ, котораго онъ у меня потребовалъ, онъ на минуту задумался и затѣмъ спросилъ меня, не желаю ли я немедленно отправиться въ путь съ тѣмъ, чтобы пробраться къ генералу Ридигеру и передать ему словесныя приказанія.

Я поклонился и заявилъ, что готовъ, какъ вдругъ графъ ударилъ себя въ лобъ и сказалъ:

— Я и не подумалъ: вѣдь вы—полякъ; если васъ схватятъ, то это—вѣрная смерть.

Я позволилъ себѣ почтительно замѣтить фельдмаршалу, что это обстоятельство именно и можетъ оказаться благопріятнымъ для моей экспедиціи, ибо никто не заподозритъ, что мнѣ поручатъ такую миссію, особенно когда услышатъ мою польскую рѣчь, лишенную всякаго иностраннаго акцѐнта.

Я только просилъ разрѣшенія переодѣться такъ, какъ я найду это наиболѣе подходящимъ, и избрать путь, какой я найду наиболѣе удобнымъ. Я также выговорилъ себѣ свободный пропускъ для аванпоста нашихъ линій, который я взялся спрятать наилучшимъ образомъ. Главнокомандующій колебался, но въ виду того, что никого другого, кромѣ меня, подъ рукой не было, онъ согласился и приказалъ мнѣ готовиться въ путь.

Мнѣ понадобилось для снаряженія въ дорогу два дня. Планъ экспедиціи былъ очень простъ. Въ арміи находился тогда одинъ факторъ-еврей, служившій еще у моей тетки Констанціи Ржевуской, вдовы послѣдняго гетмана Северина Ржевускаго, одного изъ подписавшихъ тарговицкую конфедерацію. Этотъ еврей исполнялъ обязанности поставщика для арміи и доставлялъ для всегда пре-

краснаго и вкуснаго стола графа Дибича разные деликатессы, которые графъ очень любилъ. Я отправился къ этому еврею и попросилъ его дать мнѣ свою бричку и пару лошадей и рекомендательныя письма къ разнымъ евреямъ въ маленькіе города и мѣстечки, черезъ которые мнѣ лежалъ путь. Я пріобрѣлъ лотокъ съ разными товарами, ходкими въ той мѣстности какъ среди жителей, такъ и среди солдатъ на случай, если бы эти послѣдніе попались мнѣ навстрѣчу. Я нарядился очень просто—въ кожухъ, такъ какъ погоды стояли еще слишкомъ холодныя. Какъ разъ я передъ тѣмъ бороды не брилъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, волосы я остригъ, оставивъ только пару традиціонныхъ еврейскихъ пейсовъ. Ермолку я взялъ у Мошки (фактора), и такъ какъ жидовски-нѣмецкій жаргонъ я зналъ хорошо, я и разсчиталъ, что при удачѣ смогу пойти за жида-крамаря. Фельдмаршалъ требовалъ, чтобы я взялъ съ собою одного или двухъ казаковъ, но мнѣ легко было убѣдить его, что такой эскортъ, какъ защита, былъ бы недостаточенъ въ случаѣ нападенія, но, несомнѣнно, обратилъ бы на меня вниманіе и выдалъ бы меня головой. Единственная надежда на удачу могла быть при условіи, что я буду одинъ.

Въ ночь съ 20-го на 21-е апрѣля я двинулся въ путь. Шелъ проливной дождь, и мой отъѣздъ, благодаря этому, не былъ замѣченъ. Я попросилъ графа Дибича упрятать на это время Мошку, чтобы всѣ думали, что на лошадяхъ съ бричкой уѣхалъ онъ. Насъ окружало столько лазутчиковъ, что не слѣдовало пренебрегать никакой мѣрой предосторожности. Проходной листъ, подписанный фельдмаршаломъ, я зашилъ въ подошву одного изъ сапогъ и отправился безъ всякаго оружія, которое могло меня только скомпрометировать.

Я рѣшилъ также не избѣгать городовъ и вообще населенныхъ мѣстъ, а, наоборотъ, слѣдовать по большой дорогѣ, какъ настоящій торговецъ, желающій сбыть свой товаръ. Лучше я и не могъ придумать, и я благополучно добрался до Ковеля. Здѣсь начались непріятности. Ковель, въ это время принадлежавшій моему кузену Вацлаву, который сражался въ рядахъ мятежниковъ, былъ мнѣ хорошо знакомъ, какъ и всѣ окрестности, но зато и меня тамъ хорошо всѣ знали, и я все время боялся наткнуться на какого-нибудь знакомаго, который узналъ бы меня, несмотря на мое переодѣванье. Я, однако, успѣлъ уже выложить и продать часть своего товара, какъ вдругъ меня остановилъ офицеръ-повстанецъ и спросилъ меня, нѣтъ ли у меня турецкаго табаку. Я отвѣтилъ утвердительно, и онъ мнѣ приказалъ понести атаману, то есть моему кузену, котораго всѣ въ краѣ называли именемъ «злото-бродею атамана» и который какъ разъ находился проѣздомъ въ городѣ. Не знаю, чѣмъ бы кончилась эта злосчастная встрѣча, если бы мой кузенъ не уѣхалъ изъ города до моего появленія.

Я рѣшилъ оставить большую дорогу и пробраться внутрь края. Оставивъ Луцкъ вправо, я обогнулъ рѣчку Стоходъ и тамъ наткнулся на шайку мертвецки пьяныхъ мятежниковъ, которые стали грабить мой товаръ. Они стали всячески издѣваться надо мною, и я съ трудомъ выдерживалъ роль жидка, попавшаго въ такое положеніе. Я кричалъ, взывалъ къ Богу Израиля, какъ вдругъ молоденькій офицерикъ вскрикнулъ: «Раздѣть его и посмотрѣть, обрѣзанъ ли онъ!» Можно себѣ представить, какъ на меня подѣйствовалъ такой приказъ. «Ну,—сказалъ я себѣ,—все пропало!»...

Но и на сей разъ счастье вывезло. Меня уже раздѣвали, несмотря на мое сопротивленіе, когда вдругъ прискакалъ, повидимому, сторожевой и сообщилъ, что показались русскіе. Мои мучители поспѣшили вскочить на коней и были таковы, оставивъ меня съ разгромленнымъ моимъ товаромъ.

Остальной путь прошелъ благополучно. Я вторично переплылъ Стоходъ, перерѣзалъ лѣсъ и выбрался на большую дорогу около Стыра, который я перешелъ въ бродъ. Тутъ я сталъ подвигаться впередъ съ удвоенной осторожностью, такъ какъ зналъ, что вся мѣстность наполнена отрядами мятежниковъ съ одной стороны и нашими аванпостами съ другой. Я наткнулся на одинъ-два польскихъ патруля, которые меня очень тщательно обыскали. Я всѣмъ разсказывалъ ту же исторію, что я ограбленъ солдатами и пробираюсь въ Домбровицы, гдѣ у меня родственники. Меня допрашивали о дорогѣ, видѣлъ ли я русскихъ и т. п. Я отвѣчалъ отрицательно, что, впрочемъ, было правдой. Никому, къ счастью, и въ голову не пришло посмотрѣть мнѣ въ сапоги, которые, впрочемъ, были въ такомъ печальномъ видѣ, что и не удивительно, что никто на нихъ не позарился.

Наконецъ меня окликнули казаки, и я очутился въ объятіяхъ людей Ридигера. Вскорѣ я могъ передать генералу приказъ главнокомандующаго. Это было 24-го апрѣля. Ридигеръ далъ мнѣ десять казаковъ, съ которыми я отправился на поиски генерала Раевскаго, расположившагося, какъ оказалось, гораздо ближе къ намъ, чѣмъ мы то подозрѣвали. Оба генерала рѣшили исполнить приказъ главнокомандующаго возможно быстрѣе, чѣмъ они и ускорили развязку. Я могъ ихъ увѣрить, что вся мѣстность гораздо свободнѣе отъ мятежниковъ, чѣмъ они думали. Наша кавалерія быстро направилась къ австрійской границѣ, вдоль которой былъ разбросанъ отрядъ Дверницкаго.

Упомяну мимоходомъ объ атакѣ на имѣніе графа Тишкевича, запершагося въ своемъ дворцѣ. Событія пошли ускореннымъ темпомъ. Дверницкій, застигнутый врасплохъ, былъ отброшенъ по ту сторону границы съ такой стремительностью, что наши казаки очутились даже на австрійской землѣ и должны были ретироваться безъ плѣнныхъ.

27-го апрѣля Дверницкій сложилъ оружіе въ Австріи и былъ, если не ошибаюсь, водворенъ въ Зальцбургѣ. Кампанія, насколько это касалось Украйны, была окончена. Я оставался около двухъ недѣль при генералѣ Ридигерѣ. Затѣмъ вернулся въ главную квартиру, гдѣ представилъ рапортъ о выполненномъ порученіи.

Графъ меня принялъ съ своимъ обычнымъ расположеніемъ и заявилъ мнѣ, что я представленъ къ почетной саблѣ и къ ордену св. Анны второй степени, что я вскорѣ и удостоился получить.

Я затѣмъ оставался при главнокомандующемъ фельдмаршалѣ Дибичѣ до самой его смерти, постигшей его раньше времени, 9-го іюня 1831 г.: онъ умеръ отъ холеры.

Это былъ выдающійся генералъ и прекрасный человѣкъ. Вся армія его оплакивала.

Графъ А. А. Ржевускій.

Семьдесятъ три года спустя послѣ описаннаго моимъ отцомъ эпизода его внукъ, князь Вацлавъ Радзивиллъ, оказался героемъ приблизительно такого же эпизода: переодѣтый, онъ дважды пробрался сквозь японскія линіи съ депешами изъ Портъ-Артура.

Исторія въ нѣкоторыхъ семьяхъ повторяется...

Е. Кольбъ.